

Агентство 404

18+

Владимир Окороков

Владимир Окороков
Агентство 404

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Окороков В. Д.

Агентство 404 / В. Д. Окороков — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Подполковник МВД Дорохов, вернувшись из командировки с Кавказа и осознавая бесперспективность дальнейшей службы, уходит в отставку. Он случайно узнает, что его приятель Михаил Сафронов стал жертвой убийства. Все попытки Дорохова выяснить обстоятельства убийства, натываются на непонимание и отчужденность со стороны бывших коллег. И тогда, чтобы иметь право в рамках закона осуществлять собственное расследование, он создает детективное агентство.

© Окороков В. Д., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Окорок

Агентство 404

Глава 1

Степан просыпался очень тяжело и мучительно, с усилием вырывая себя из тисков сновидений в состояние, смутно приближенное к бодрствованию, и с трудом ощущая нерадостную реальность. В последние дни такие просыпания стали уже правилом и каждый раз давались все тяжелее и тяжелее. Объяснялось это просто: Степан который уже день пил. Пил не просто, как пьют обычно люди, на праздник или в выходные, нет, он пил жестко, т. е. много и все подряд, как говорится, вусмерть. В такое время его уже не тянуло ни к чему, что мы привыкли называть обыденной жизнью обычного человека, ему не хотелось вставать, ходить, разговаривать, было одно стремление – напиться и забыться в тяжелом, тревожном, граничащем со смертью сне, а потом вынырнуть из него потным, вонючим с единственным желанием – снова выпить. На этот раз пробуждение было особенно тяжелым, появилось обязательное в таких ситуациях ощущение панического страха – водка кончилась. Наконец Степан стряхнул с себя оцепенение и открыл глаза, понадобилось какое-то время, чтобы окончательно прийти в себя, еще через несколько минут он уже стал различать предметы более отчетливо, наконец его взгляд сфокусировался вначале на пустой бутылке и только потом – на настенных часах, висевших на противоположной стене, но секундная стрелка не шевелилась, часы стояли. Степан с невероятным усилием заставил себя сесть, в ушах застучало, голова кружилась, пот застилал глаза, к горлу подступила тошнота. Минут через десять, однако же, органы, отвечающие за функцию самосохранения, с трудом, но настойчиво стали выводить организм из состояния смертельного токсического разрушения, например, захотелось воды, а потом и сигарету. В голове посветлело, мозг заработал, но только в одном диапазоне – чем бы похмелиться. Часы, если бы не остановились еще два дня назад, могли бы сообщить ему, что время уже приближалось к обеду, а учитывая, что день был будний, то вся основная масса народонаселения, в то время как Степан боролся с непреодолимыми низменными желаниями, работала кто на производстве, кто на транспорте, а кто в офисе.

Человеку свойственно думать, кроме того, у каждого индивида есть память. Вот теперь Степан, пытаясь, пока безуспешно, сопоставить все это воедино, намеривался определить время начала запоя, стараясь в то же время абстрагироваться от назойливо лезших в голову сопутствующих нюансов, иногда позорно стыдных, как назло, ярко запечатлевшихся в памяти. Логика давно и часто пьющего человека подсказывала, что где-то в глубине этой неубранной холостяцкой квартиры должна находиться, кое-какая выпивка, заначенная именно для такого, может быть, самого главного момента его жизни.

Спасительная бутылка находилась на самом видном месте – на кухонном столе, куда на дрожащих и подкашивающихся ногах добрал Степан, с трудом удерживаясь в вертикальном положении. На кухне было значительно светлее, а лучи, играющие на коричневой бутылке «Фэймос Граус», лишь подтверждали, что на улице давно уже день. Степан, сразу же успокоившись, не спешил скрутить голову куропатки, именно так переводится «Граус» – в честь любимой дичи шотландцев. Вдруг почувствовав внезапно подступивший голод, вытащил из старого раздолбанного холодильника засохший кусок сыра и заскорузлый ломтик лимона. Такая знакомая терпкая жидкость прокатилась по пищеводу и зажгла желудок, но лишь на короткое время. Степан, затаившись, ожидал, и вот теплая волна, окутывая и расслабляя, уже подымалась откуда-то из глубин и мягко, убаюкивающе и основательно, размещалась в сознании. Руки перестали дрожать, пот высох, аритмия утихла, в голову стали приходить мысли, еще сумбур-

ные, но все более отчетливые и правдоподобные. Например, стало вспоминаться, что неделю назад он, еще будучи в здравом уме и светлой памяти, ходил на службу, носил погоны целого подполковника МВД и занимал должность старшего опера в управлении уголовного розыска краевого Главка.

Когда 0,7-литровая бутылка вискаря наполовину была уже опорожнена, сыр сгрызен, а лимон высосан, наступило состояние, близкое к блаженству, страх окончательно испарился, тремор прошел, лицо разгладилось и немножко даже покраснелось, как бывает только в первоначальный период опьянения, т. е. наступил момент, когда похмелье, сделав свое дело, вывело из штопора, баланс восстановился, и на этом надо бы заканчивать, иначе все повторится снова. Степан это знал и хоть с некоторым сожалением, но закрутил бутылку, засунул в холодильник подальше с глаз и пошел в ванную приводить себя в порядок.

Побрившись и постояв под контрастным душем, он настолько взбодрился и повеселел, что с трудом сдержал себя, чтобы не пройти на кухню и не хлопнуть еще одну рюмашку живой влаги, но удержался, еще свежи были в сознании офицерские правила – стараться никогда пьяным не выходить на люди.

Стоило ему только вспомнить, что теперь он может никуда не спешить, что он свободный человек как тут же возникло ощущение ненужности и одиночества, а воспоминания лишь острее подчеркивали несбывшиеся надежды и полное отсутствие перспектив. Степану скоро полтинник, неделю назад сослуживцы проводили его в отставку, банкет устроили в кафе на улице Весенней, кафе так и называлось – «Весеннее». Поскольку Степан был человеком холостым, сослуживцы на вечеринку пришли тоже без жен. Единственными украшениями застолья были майор Савельева Клара Иннокентьевна, неизвестно каким макаром затесавшаяся в мужской коллектив оперативников, да еще Вера Игнатьевна, секретарь начальника управления, которую по фамилии никто не знал, хотя в «конторе» она работала всю свою очень длинную, наверное, жизнь. Дамы очень скоро слиняли, так что банкет получился чисто мужским и постепенно превратился в пьянку. Нет, вначале все говорили тосты, подшучивали, подбадривали, мол, завидуем тебе, Степа, скорее бы тоже на дачу, и т. д., но все понимали, что никому на пенсию не хочется, что уход в отставку – это своеобразная веха, приближающая к старости, о которой так не хочется думать.

После «Весеннего» кафе уже довольно поредевшая компания наиболее свободных и стойких коллег перебазировалась на Степанову дачу, где уже начинавшее затухать веселье возобновилось с новой силой, и даже некоторые из молодых вначале робко, а потом все отчетливее стали намекать: «А не вызвать ли нам девочек?» Довольно-таки приличное одноэтажное шале с мансардой, расположенное в очень живописном лесном районе на берегу небольшой речушки, в 12 километрах от города, Степан приобрел еще после первой командировки на Северный Кавказ. Тогда там действительно проходили реальные боевые действия и можно было легко схлопотать пулю снайпера или просто подорваться на фугасе. Получив «боевые» и прибавив к ним имеющиеся у него сбережения, Степан тогда, воспользовавшись советом криминального авторитета Сивого, очень удачно прикупил это чудное строение у одного профессора, срочно уезжающего в США на ПМЖ к своему сыну. В те времена покупка обошлась ему в сумму, близкую к миллиону, а теперь, после основательных ремонтов, модернизаций, благоустройств, цена семикомнатной фазенды составляла целое состояние которое могло послужить серьезным подспорьем в старости.

Степан вспоминал свои действия в тот вечер, девочек, видимо, все-таки пригласили, так как проснулся он тогда во флигеле для гостей, хоть и один, но с явными признаками ночного присутствия женщины, о чем наглядно говорили и окурки тонких женских сигарет «Гламур» в стоящей на тумбочке пепельнице, и тюбик губной помады, закатившийся под кровать, и два бокала, означающие присутствие второго человека, на одном из которых виднелись розовые пятна. В доме все, как и положено, было кверху ногами, везде еще горел свет, хотя часы пока-

зывали 14 часов, посторонних, женщин, имеется в виду, уже не было, однако их присутствие выдавали все те же окурки, помадные бокалы и кое-где валявшиеся чисто женские атрибуты, оставленные по невнимательности либо брошенные нарочито и вызывающе.

– Подъем! – рявкнул, как ему показалось, Степан, но на самом деле его окрик прозвучал хрипло, неуверенно и совсем не угрожающе, о чем ему тут же сообщили с дивана:

– Че орешь-то, дай поспать, ты же теперь пенсионер, спи да спи – лафа.

С трудом растолкав майора Завгороднева, Степан внушал ему, что оставляет его за главного, а сам поедет в город, просил поменьше бухать и все по возможности привести в порядок.

– Хватит бухать, вам послезавтра на службу, отдохните, в баньку сходите.

– Почему завтра? – Завгороднев был почти на пятнадцать лет моложе Степана и ситуацией, видимо, владел.

– Сегодня воскресенье, завтра на службу.

– Как воскресенье? – Степан не понимал, каким образом из его памяти вылетел целый день.

– А где все?

– Никого нет, я да Леха, мы из-за тебя только и остались, ты же никакой был – стареешь, опер. Ты, это, береги себя.

Сраженный наповал неприятной новостью, Степан поехал домой.

«Маразм подкрался незаметно», – твердил он мысленно, но было заметно, что это очень огорчило Степана. – Сутки, целые сутки – как корова языком из памяти. Нет, надо кончать с пьянками, хорошо, если сразу сдохну, ну а если паралич – кому я нужен-то буду? В хосписе гнить?

В жизни Степана и раньше бывали случаи чрезмерного влечения к алкоголю. Нет, конечно, все было под контролем, просто ему, как и многим, нравился процесс распития, сопутствующие разговоры, раскованность, были не только случаи похмелья, но и затянувшиеся пьянки, но вот такие потери памяти начались после последней командировки на Кавказ. После подрыва их автомашины, в которой группа Степана патрулировала Северную трассу, его очень сильно контузило.

– С водочкой поосторожней, – напутствовал его главный врач Закавказского госпиталя МВД. – Совсем, конечно, ты не бросишь, но не злоупотребляй, и все будет нормально.

Расценивать нынешнюю пьянку как злоупотребление Степан не стал и продолжил обмывать свою отставку у себя на квартире уже со своим соседом – физиком из института с очень мудреным названием, который в свои 35 лет умудрился стать доктором технических наук. Несмотря на то что пили они одинаково много, Лехе – так по-свойски Степан называл соседа – никак не удавалось втемашить ему в голову фотонную концепцию Планка – Эйнштейна. Степан не мог согласиться, что по логике теории баллистической гипотезы скорость в вакууме должна быть равна удвоенной скорости света от неподвижного источника. Хотя соглашался, что синхротронный излучатель, где источником света служит сгусток электронов, движущийся по искривленной траектории со скоростью испущенного света в безукоризненном лабораторном вакууме, имеет место быть. Хотя после третьей бутылки непонятно уже чего согласился, что обнаружить такой эффект не составило бы труда, если просто измерить время прохождения световым импульсом мерного отрезка в вакуумированном пространстве. На том и порешили. Степан вырубился, утомленный потоком научных терминов, Леха, видимо, потеряв собеседника, ушел. И вот, только теперь опохмелившись, Степан склеивал из смутных обрывков своих воспоминаний информацию за целую неделю, вычеркнутую из жизни.

Выпитый алкоголь действовал, как и положено, целенаправленно и неотвратно – Степан засыпал. Он еще со студенческой скамьи знал эту мудрую заповедь – что «путь из тупика равен пути в тупик», и поэтому, полностью отдавшись закону природы, уснул, на этот раз легко и безмятежно.

Глава 2

Степан Доронин познакомился со своей супругой Светланой на последнем курсе высшей школы милиции. Все случилось случайно, на танцы в тот вечер он идти не собирался. Впервые, надо было подготовиться к зачету по криминологии, который должен был состояться послезавтра и к которому Степан был абсолютно не готов, а учебно-методическое пособие, пролежавшее у него целую неделю, он должен был вернуть уже завтра. Кроме того, ему нечего было надеть, свой костюм он отдал курсанту Анохину для похода в театр, а идти в курсантской форме не хотелось, да и мятая она была. Все уже жили в предвкушении выдачи новой офицерской формы, с лейтенантскими погонами, и особого внимания на старые обноски уже не обращали. Но тут появился Звягинцев и с таинственным видом сказал:

– Слушай, Степа, выручай. В клубе сегодня драка намечается, собирайся, не дури. – В те спокойные советские еще времена драки на танцах были делом обыденным и хоть не поощрялись, естественно, но, однако же, сильно и не наказывались, больше было кипишу, чем мордобоя, а о применении оружия так вообще и разговора не было. Это теперь большинство так называемых разборок заканчиваются тяжелыми ранениями, а то и вообще смертью.

– Ладно, понял, – недовольно пробурчал Степан. В те времена отказ от подобных мероприятий расценивался как трусость и предательство. К счастью, драки не случилось, то ли оппоненты пришли не в полном составе и, заприметив приличную толпу курсантов, сочли за благоразумие не вступать в конфликт, то ли, как нарочно, в клубе в этот день дежурил усиленный наряд милиции совместно с комендатурой, и здесь уже курсанты не рискнули вступать в потасовку. Так и простоял бы Степан у стенки. Уходить – перед пацанами неудобно, а танцевать он не любил, да и не умел, так и стоял бы, матерясь в душе на придурка Звягинцева, именно ему он завтра и должен был вернуть пособие по криминологии, которое он так и не удосужился прочитать.

Вот тут он и увидел ее, она шла через весь зал прямо к нему, уверенная, в дорогом красивом платье, удачно подчеркивающим ее фигуру, кокетливо наклонив набок головку с уложенными золотистыми волосами, касающимися хрупких плеч, и взгляд томный, чуть насмешливый и одновременно оценивающий, взгляд опытной, уже многое познавшей хищницы.

– Потанцуем, солдатик? – и от нее пахнуло таким женственным теплом, что у него чуть не подкосились ноги. Он танцевал с ней весь вечер и готов был бы драться, если кто-нибудь решился бы ему в этом помешать. Ловя на себе завистливые взгляды, Степан лез из кожи вон, что-то рассказывал, как он считал, очень остроумное, удачно шутил, угощал девушку в буфете на последние деньги шампанским, залихватски курил болгарский «Опал», в общем, вел себя как настоящий офицер, так по крайней мере ему самому казалось.

В казарму Степан пришел только к подъему, благополучно миновав дежурного офицера и тихонько пройдя мимо спящего дневального, он разделся и лег, но не спалось. Его переполняло доселе неведомое чувство взрослости и значительности, хотелось, чтобы об этом знали все. Он был горд и счастлив и уснул с радостно-загадочной улыбкой на детском и пока еще безусом лице.

Свадьбу сыграли в тот же день, когда в училище проходил выпуск, так уж случилось. К 16 часам пополудни лейтенант Степан Павлович Доронин в новой офицерской форме цвета маренго, с лейтенантскими погонами на плечах и с синей картонной диплома в руках, прибыл к городскому ЗАГСу, чтобы вступить со Светланой Георгиевной Добросельской в законные брачные отношения.

Ввиду того что родственников со стороны Степана не было совсем, так как воспитывался и обучался он до поступления в училище МВД в городском детдоме № 13, ограничились маленькой семейной вечеринкой. Со стороны невесты присутствовали немногочисленные род-

ственники, включая ее родителей, которые и организовали застолье, со стороны жениха присутствовали еще два лейтенанта – Федька Зверев да Мишка Соколов. А на следующий день обедали молодожены уже под стук колес купейного вагона скорого поезда Москва – Владивосток. Для прохождения службы лейтенант Степан Павлович Доронин направлялся в управление уголовного розыска Белоярского главного управления МВД СССР.

Серый и мрачный областной сибирский город Белоярск встретил новоселов неприветливо и хмуро. По какому-то дурацкому расписанию в областной город поезд почему-то прибывал в 5 часов утра, когда никакой транспорт еще не ходил, все точки общественного питания не работали, а открытия всех казенных учреждений надо было ждать целых четыре часа.

Только поздним вечером измученные, голодные Доронины обрели свой угол, состоящий из комнатки в 16 кв. метров, в три раза меньшей кухни и совмещенного санузла в деревянном двухэтажном бараке, по улице революционерки Клары Цеткин. Квартирка была служебная, в ней, кроме колченогого деревянного стола и двух таких же табуреток, были еще и две железные кровати со ржавыми панцирными сетками и такими же ржавыми матрасами. Постельные принадлежности находились тут же, в шифоньере с оторванными дверцами, на котором почему-то стояло железное ведро. На кухне в кране вода была, только открывать его надо было при помощи плоскогубцев, которые, кстати, находились тут же, на подоконнике, рядом с тремя грязными стаканами.

В этой квартире Доронины прожили три несчастливых года. Очень быстро оказалось, что они совершенно разные люди, случайно оказавшиеся вместе, их связывал только один незнакомый им город, где оба они были незваные гости, и только это помогало им держаться друг друга какое-то время. Нет, они не ругались, не обзывали друг друга матерными словами и не грозили разводом. Даже иногда были минуты, когда казалось, что все наладится, образуется, но нет, как говорится, «любовная лодка разбилась о быт», а скорее всего, никакой лодки-то и не было, была только страсть, а она, как известно, не может длиться вечно. А вскоре Степан уезжает на Северный Кавказ в первую свою командировку на целых шесть месяцев, а когда возвращается, то уже не застаёт в квартире своей супруги, вернее, застаёт, но совершенно другую семью, которая и сообщает ему, что здесь теперь живут они, а вдова погибшего в Чечне старшего лейтенанта Доронина уехала к себе на родину, к родителям. Вдову Степан беспокоить не стал, пожил пока в ведомственной общаге, а тут и дачку прикупил с подачи Сивого, да не какую-то шестисоточную, а нормальную, профессорскую, и недорого, и следующие пять лет Доронин проживал на своей фазенде в живописном лесном раю всего в каких-то двенадцати километрах от города.

Личного времени у Степана не было совсем, он полностью отдавался службе, вечера проводил в спортзале или в читальном зале библиотеки, так как уже заочно учился на первом курсе Академии МВД. Служба ему нравилась. Поскольку его должность подразумевала ношение гражданской одежды, то полевую капитанскую форму он надевал только во время очередной поездки в командировку на Северный Кавказ.

В отношении женщин Степан избрал метод поведения, подсказанный ему его приятелем по службе в Чечне – майором Колей Мещеряковым, который, хоть и был младше Степана на целых пять лет, мужик был грамотный, очень начитанный и здравомыслящий. Однажды вечером как-то на «блокпосту», Степан как раз только заступил «начкаром», спать не хотелось, погода была тихая и теплая, Степан с сигаретой, «блокпост» был «гласный», и маскировка не предполагалась, лежал на стареньком раздолбанном диванчике и уныло смотрел по телевизору какую-то бестолковую телепередачу, рядом в такое же кресло сел Мещеряков.

– Чего невеселый? – спросил, закуривая. – Домой охота, по семье скучаешь?

Узнав, что у Степана нет семьи, не удивился.

– Я так и думал.

– Почему это, интересно?

– Ну, так не звонит тебе никто, и ты вроде тоже.

– Некому мне звонить, – сказал, затягиваясь, Степан. – Детдомовский я, а с женой не живу давно, даже, если честно, и не знаю, где она, детей нет, слава Богу.

Наутро Мещеряков уже улетал в Россию, домой, в командировке был уже третий раз, на вопрос Степана, почему не спит, ответил, что дома выспится. В ходе беседы выяснилось, что Николай живет в Чудногорске, это в пятидесяти километрах от Белоярска, и служит уже три года в должности начальника криминальной полиции, как раз с того момента, когда милиция и стала называться полицией. Тоже, как и Степан, был женат, и тоже разошелся, правда, вполне официально, и платил алименты сыну, которого видел регулярно, почти каждый день. Городок Чудногорск небольшой, почти все жители города были негласно знакомы. Вот тогда в беседе Коля и дал Степану совет по общению с женщинами.

– Ты когда в компании телку снимаешь, выбирай самую невидную, ну, можно среднюю, если другая уж больно страшная, красоток не бери. Я тебя уверяю, что, независимо от внешности, все остальное у них одинаковое, зато на страшную ты не западешь, встречи с ней искать не будешь, т. е. эпизод – он и есть эпизод. Через день ты о ней и не вспомнишь, и это очень хорошо, ты свободен, она ведь, если не совсем дура, тоже понимает бесперспективность продолжения отношений и самовольно тебя беспокоить не будет. Ну, может быть, будет надеяться, ждать, но это уже ее проблемы, и они тебя не касаются, зато у нее не будет никаких иллюзий. И никаких контактов, ни телефонов, ни электронной почты, про домашний адрес я вообще молчу.

– Ты представляешь, если бы я всем своим девкам в Белоярске давал свои визитки, они бы меня и в Чудногорске достали, там езды-то меньше часа на автобусе, про тачки я уж и не говорю. – Коля заверил, что в самом городке, где он служил, у него никаких контактов с женщинами принципиально не было.

– Не хватало еще личных забот, проблем и на службе хватает.

Утром Николай, тепло попрощавшись с областным коллегой, улетел в Москву, обещав звонить, и приглашал в гости в свой городок – Чудногорск.

Глава 3

В изрядно уже измученный весенними холодными непогодами Белоярск неожиданно пришла весна. Целую неделю моросившие дожди наконец-то съели последние остатки надоевшего уже грязного снега. Погода сразу как-то установилась, потеплело, посвежело, тяжелые свинцовые облака уже не висели над городом, нагнетая тоскливую безысходность и почему-то дурные предчувствия. Очутившись на улице, Степан испытал необыкновенный прилив энергии, волна дурноты отступила, словно вынырнул из бездны, все, что было там, в квартире, целую неделю, осталось в прошлом. Ко всему происходившему в его жизни Степан относился философски. «Все пройдет, – любил он повторять, – надо только маленько подождать». Он знал, что все казалось бы, непоправимые ситуации возникавшие с ним частенько, и казалось бы что в тех сложившихся условиях изменить уже ничего нельзя, спустя какое-то время будут вспоминаться с ироничной улыбкой, а то и вовсе забудутся, как забывается дурной сон.

– Привет, сосед. – К нему степенно направился Алексей из 22 квартиры. – Что, все, вышел из штопора? – О странных чудачествах одинокого подполковника знал весь дом, относились с пониманием, сочувствием, а некоторые женщины даже ставили его в пример своим мужьям: вот, посмотрите, выпьет человек – и не видно его, и не слышно, матом не ругается, деньги в долг не просит и шлюх не водит.

– Здравствуй, Алексей Иванович. – Степан крепко пожал руку доктору технических наук, но, однако же, вполсилы, чтобы не причинить неприятных ощущений субтильному соседу.

– Что, в спортзал? – указал он на сумку, болтавшуюся на плече Степана.

– В него. Хочешь составить компанию? – Степан, дружески приобняв соседа и подталкивая его, направился к покрытому засохшей грязью «Патриоту».

– Благодарю покорно, – заулыбался сосед. – Как ты, Палыч, можешь и бухать, и одновременно спортом заниматься? Не боишься?

– Так не одновременно, я уже три дня ни капли. А ты что, Леха, все еще, что ли?.. Не похоже на тебя. Ты вообще-то хреново выглядишь, завязывай давай помаленьку. Есть на что похмелиться-то?

– Да откуда? Я тебя и ждал.

– Так что ж не зашел-то? На. – Степан сунул Лехе в руку тысячную купюру. – Только в меру, братан, и говно не пей.

Машина завелась сразу, легко и плавно тронулась. Зря хаот и не любят наши машины. Степану уазик нравился. Он в своей жизни перепробовал разные автомобили, но вот уже три года ездил на «Патриоте» и, как говорится, горя не знал. Все устраивало Степана в машине: и габариты, и экстерьер, и хотя уже появились модификации с 6-ступенчатым автоматом, предпочитал свою, с механической коробкой переключения передач.

Припарковавшись возле спортивного комплекса Главка, Степан, закинув на плечо сумку, не спеша двинулся к горстке людей, стоявших у входа, закурил. Давно собирался бросить курить, да все как-то не получалось.

– О, пенсионер, привет. – Коллеги добродушно пожимали руку. – Давно тебя не видно было, уезжал куда?

– Вы что, уже? – спросил Степан.

– Да, там есть еще, иди разомнись, бассейн, правда, сегодня не работает, только душ и парилка. В тренажерном зале человек пяток, а на ковре вообще никого.

Степан махнул рукой – ладно, мне никого и не надо – и зашагал к дверям.

Разогревшись полчаса в тренажерном зале, Степан поднялся в «борцовый». Пока он крутил педали и тягал штангу, видимо, в борцовый зал прибыла группа курсантов средней школы МВД из Соснового бора. В небольшом зале под руководством опытного тренера Вере-

шагина курсанты отрабатывали приемы контратаки при нападении двух и более вооруженных людей. В зале было душно, чувствовался запах молодого здорового пота, слышались резкие выкрики и хлесткие шлепки тел о клеенчатые маты. Судя по всему, тренировка началась недавно, а количество курсантов, сидящих вдоль стен и еще не приступавших к тренировке, было приличным. Степан поднял руку, приветствуя Верещагина, и тут же опустил, что должно было означать: ладно, пойду, мне не к спеху, в следующий раз, – и направился в парилку.

Удивительная легкость в теле и прилив энергии, полное исчезновение тревожности, еще утром посещавшей его, – вот что чувствовал Степан, пружинисто шагая к машине. Он вдруг отчетливо ощутил, что теперь у него стали свободны и утренние, и дневные, и вечерние часы, и будущая жизнь его показалась такой предсказуемой и пресной, что он аж остановился. Сумма пенсии заранее известна, и покрыть уже сложившиеся потребности Степана, явно не сможет. Накопления? На них при таком темпе, к которому привык Степан, можно продержаться год, ну, полтора, а потом? Продать дачу? Ну, тогда уж лучше продать квартиру и жить на даче, ведь жил же он раньше на даче, и ему это даже нравилось. Пусть даже он продаст квартиру за 5 миллионов, но эти деньги ведь тоже когда-то кончатся, а ему еще 48 лет, и умирать он в ближайшие лет десять не собирался точно.

Финансовый вопрос настолько взбудоражил Степана, что он даже решил поинтересоваться у коллег, давно уже ушедших в отставку, как они живут, набрал телефон Сафронова, с которым не виделся уже несколько месяцев, с тех самых пор, когда в последний раз уезжал на Кавказ.

– Привет, Мишель, – как можно непринужденно прокричал он в трубку.

– Вам кого надо? – ответил не очень радужный голос.

– Михаила Сафронова хотел бы я услышать, – уже вполне официально проворчал Степан. – Это коллега его, Дорохов.

– Хорош коллега, – буркнули в ответ. – Уж три месяца, как отец умер, – и положили трубку.

Степан сидел, растерянный и обескураженный. Вот как это бывает, просто и обыденно, в двух словах: три месяца как умер. А он, уходя в отставку, тоже, наверное, рассчитывал жить долго и счастливо. Степан вспомнил, как провожали Сафронова на пенсию, и тоже в кафе на Весенней, как и его. Просто это кафе принадлежало супруге одного из офицеров Главка, и это было удобно, да и хозяйке кафе выгодно.

Не то что их связывала какая-то особенная дружба, нет, они были одноклассники, вместе окончили школу и вместе служили в одном Главке, два раза вместе были в командировке. Год назад Мишку комиссовали в связи с тяжелым ранением в бедро. Когда они виделись в последний раз, он хромал и ходил с тростью, но был веселый и полный планов и надежд. Врачи оптимистично предрекали полное излечение в ближайшее время, но к службе были противопоказания, да и выслуги хватало, так что увольнение на пенсию было логично и не противоречило его дальнейшим планам. Так что же могло случиться? Ну, не от хромоты же он умер, в конце концов.

Обеденный перерыв еще не начался, так что Степан, оставшись в машине, просто открыл окно и закурил. Можно было, конечно, и зайти в управление, но почему-то не хотелось встречаться с коллегами, отвечать на дежурные вопросы дежурными фразами, тем более ему надо было увидеть Веру Игнатьевну – секретаря начальника управления. Степан знал, что на обед она ходит в кафе «Лакомка» за углом, а так как обедать в этой кафешке желающих среди мужского коллектива управления было мало, то зачастую она туда ходила в гордом одиночестве, что в данной ситуации очень устраивало Степана.

В ходе беседы, которую Степан без обиняков начал прямо с интересующего вопроса: что случилось с Сафроновым и почему ему никто ничего не сказал, он получил такой ответ:

– Ну, во-первых, все, в том числе и я, считали, что о гибели Сафронова ты осведомлен, вы ведь вроде дружили. На похоронах ты не был, но ведь ты был в командировке, а телефоны никто не отменял, и они одинаково хорошо работают что здесь, что на Кавказе, и я считала, что кто-нибудь из твоих приятелей тебе обязательно позвонил. Ведь у тебя куча друзей, Степан.

– Куча, а вот никто позвонить не догадался, да и я потом ведь забыл совсем Мишку-то пригласить на проводы.

– Ну, может, это и хорошо, что забыл, а то настроение бы себе испортил, его ведь Мишку-то теперь все равно не вернешь. А похоронен он на центральном, помнишь, когда полковника Ахмедзянова хоронили? Вот там рядом.

– Я что хотел спросить, Вера Игнатьевна: как так? Ведь Мишка никогда не болел, ну, ранения – это же не в счет, они же совместимы с жизнью. Ну что такое нога, ну от этого же не умирают.

– Так убили Сафронова. – Вера Игнатьевна в упор смотрела на ошaleвшего Степана.

– Как убили, кто, за что, несчастный случай или 105-я? – К горлу подошла тошнота, появились уже знакомые симптомы: слабость и подрагивание рук, которые он тут же засунул под стол. – Кто? Делом занимается ССБ?

– Нет, федералы. А знаешь, дорогой мой Степа, я вынуждена буду о нашем с тобой разговоре сообщить – таков приказ. – Она недвусмысленно подняла палец вверх.

– Хорошо, Вера Игнатьевна, я понимаю. – Дорохов встал, поклонился и вышел из кафе.

Домой было неохота, погода замечательная, и Степан решил поехать на дачу, просто так, а заодно и навести там порядок после последнего застолья. К величайшему удивлению, на даче был прибрано, можно даже сказать, идеальный порядок, постарались ребята, никаких признаков пьяного застолья, полы вымыты, посуда тоже, бутылки и прочие атрибуты холостяцкого гульбища вообще отсутствовали.

– Молодцы ребяташки, – отметил Степан. – Можно положиться.

Остатки дня Степан провел в работе: собирал граблями в саду мусор, посмотрев на часы и решив, что еще рано, мусор поджег. Погодка стояла тихая, безветренная. С соседнего участка поздоровался сосед, тоже занимающийся уборкой в саду.

– Ты, говорят, теперь нашенским стал – пенсионер! – радостно завопил он. – Обмыть бы надо.

– Наобмывались уже, – буркнул Степан. – Хватит, а то эти обмывания чуть плавно не перешли в поминки.

– Это запросто, – радостно согласился Петрович, так звали соседа. – Вы, я смотрю, погуляли здесь в прошлый раз неслабо, я заходил – ты спал уже. Ну, ладно, удачи.

Стемнело, уезжать, честно говоря, не хотелось, и Степан уже всерьез подумывал, не остаться ли сегодня ночевать на даче, какая, собственно, ему разница? Телевизор есть, тщательный осмотр кухни убедил его, что жратвы здесь еще на неделю, даже в дверце холодильника тускло поблескивала початая бутылка коньяка «Хеннесси ХО». И Степан потянулся уже было к телефону, чтобы пригласить соседа Палыча, как он зазвонил сам, номер на экране не высветился.

– Ало, Степан? Говорит генерал Герасимов! – прорычала труба.

– Слушаю, товарищ генерал. – Отношения Степана с генералом всегда были ровные, служебные, как говорится, водку он с ним не пил, но при встрече тот с ним здоровался за руку, добродушно шутил, показывая таким образом хорошее к нему расположение, а вот по телефону, тем более домашнему, они с ним говорили впервые.

– Отдохнул после госпиталя-то?

– Так точно. – Степан недоумевал: что ему надо? Вроде не накосячил нигде, или накосячил да забыл. – Весь внимание, ваше превосходительство, – сострил Степан, вспомнив, что он теперь птица вольная и по большому счету хрен клал на всех генералов. Но тем не менее

он предпочел вежливо выждать, что от него Герасимову надо, ну, не просто же он от скуки позвонил, и тут же вспомнил, как Вера Игнатьевна сегодня ему сказала, подняв свой пальчик вверх: «Я, Степа, вынуждена буду о нашем разговоре доложить», – так, кажется. Вот, видимо, и доложила. Только почему такой резонанс? Непонятно.

– Ты сейчас, вероятно, на даче? – утвердительно сказал генерал.

– Да, вот, приехал. Погода хорошая, надо привыкать к пенсионной жизни. Помидорчики, огурчики, лучок, чесночок, рынок – такая у нас, пенсионеров, перспектива. Мы ж теперь штатские.

– Ты, Степан, сможешь завтра ко мне подъехать? Выбери уж время между помидорчиками и рынком, уважь генерала, глядишь, я тебе когда-нибудь на огороде подсоблю, – усмехнулся генерал и положил трубку. Ночевать на природе сразу как-то расхотелось, хорошо не успел соседу позвонить. Степан переоделся, закинул на плечо свою выдавшую виды спортивную сумку и задумчиво побрел к машине.

Сорок километров он пролетел махом, машина просто радовала, мотор работал ровно, уверенно, управлялась легко и плавно. Снова подумалось: почему такое пренебрежительное отношение к отечественным автомобилям? Чем, скажем, старый «Гранд Чероки» лучше «Патриота»? Ну, может, и лучше, просто Степан на новом-то «Чероки» никогда не ездил. Была у него, правда, давно уже, импортная машина. Когда только-только распахнулись границы и лавины старых раздолбанных иностранных машин наводнили страну, когда на смену совсем еще недавно таким крутым девяткам пришли старые угловатые «тойоты», «хонды», «форды» и «мерседесы». Здесь, в Сибири, преобладали в основном правобараночные автомобили из Японии, которые в огромном количестве завозили во Владивосток на морских судах. Даже появился свой японский авторынок – «Зеленый угол», куда съезжались перекупщики со всей страны. Потом этот автомусор расплодился по всей России и уже считался признаком материального благополучия и гордости. Машины пестревшие какими-то загадочными надписями и иероглифами, буквально рассыпались на ходу от старости, но их подваривали, подкрашивали и продавали, продавали, продавали. У Степана тогда тоже появилась такая машина, «Хонда Баллада» называлась. Он ее не покупал, откуда у опера в то время такие деньги? Ему дал ее в прокат местный авторитет – главарь одной еще только зарождавшейся группировки по кличке Сивый. Правда, Степан на ней и поездил-то недолго. Замполит, тогда они еще были в управлении, закатил ему такой скандал, обвинив чуть ли не в «смычке с преступными элементами», слова «оборотень в погонах» тогда еще не придумали. «Нет, лучше УАЗа нет машины», – решил Степан, паркуясь возле своего дома.

Глава 4

С генералом Степан встретился не в его служебном кабинете, где предполагал, а на набережной. Он уже ехал в управление, когда раздался звонок и ему сообщили, что встреча состоится через 20 минут с правой стороны речного вокзала. Причем звонивший даже не поинтересовался, свободен Степан или нет и удобно ли ему туда ехать, и что самое интересное, примерно столько времени ему и понадобилось, чтобы подъехать к назначенному месту в указанное время.

«Пасут, что ли?» – подумал Степан, паркуясь у всем в городе известной гостиницы «Огни Белоярска».

– Здравия желаю, товарищ генерал! – радостно завопил Степан, но, встретив укоризненный взгляд, осекся.

– Не на службе, Степа, чего орешь-то? Людей распугаешь. Расслабься, забыл, как меня зовут? Я же без формы.

– Прошу прощения, Иван Александрович, привычка – вторая натура. Да я вас без мундира и не видел-то никогда.

Погода была чудесная: ясная, солнечная, еще только начинающий зеленеть широкий газон отделял проезжую часть набережной от тротуара, где сейчас стояли генерал и Степан, прислонившись спинами к гранитному парапету. Один – коренастый, с седой шевелюрой и такими же усами, уже заметно постаревший человек. Другой – высокий, статный, коротко стриженный, спортивного вида. Ему можно было дать никак не больше сорока лет.

– Мне доложили, ты интересовался причиной смерти подполковника? – спросил генерал, не глядя на Степана. – А ты разве не был на похоронах?

– Нет, я бы на Кавказе в то время, – ответил Степан, закуривая.

– Значит, ты и правда ничего не знаешь?

– Ровным счетом ничего. Вчера только и узнал по телефону, сын его, видимо, говорил.

– Ну, так его действительно убили. Он ведь, когда в отставку вышел, с бандитами связался. Пенсия же, сам понимаешь, ну, вот он и устроился в службу безопасности.

– Позвольте? С бандитами связался или в службе безопасности работал?

– Ну, ты дурачком-то, Степа, не прикидывайся. Ведь знаешь, что служба безопасности – это крыша для того, чтобы официально пушку таскать. Да ты эти службы и ЧОПы в городе и области все, наверное, наперечет знаешь. Чем они занимаются и кому принадлежат, тоже знаешь.

– Ну и кому же?

– Сивому, приятелю твоему.

– Ну, Сивый – половине области приятель, а другой половине – неприятель. Я все равно никак в толк не возьму, при чем здесь подполковник?

– А тебе и понимать ничего не надо, дело засекречено. Занимается собственная безопасность, а ты теперь гражданский. Давай-ка лучше помянем подполковника. – Генерал открутил пробку серебряной фляжки и протянул Степану. – Пусть земля ему будет пухом.

– Вызывали-то зачем? – закуривая, спросил Степан.

– Предупредить, чтобы дров не наломал, выясняя, что и как. В Главке не хотят шум поднимать, а тебя я официально предупреждаю: не строй из себя Арчи Гудвина, занимайся дачей, огородом, рыбалкой. Отдыхай, ты в отставке. – Генерал буркнул что-то в телефон. Не подавая руки и не попрощавшись, пошел к подъехавшему «Мерседесу».

Степан озадаченно глядел в спину уходившему генералу. Он не мог понять, зачем была эта встреча, неужели только для того, чтобы узнать, какой информацией располагает Степан по поводу гибели Сафронова и располагает ли вообще? Он снова набрал номер Сафронова и,

услышав прежний голос, спросил, когда и где им будет удобней встретиться. На том конце провода, появившись, все-таки пробурчали: «Давайте завтра в 13:00 возле фонтана у драмтеатра».

Ночевать сегодня Степан собирался в своей городской квартире, поэтому по дороге решил заехать в «Магнит». Дома в холодильнике было шаром покати. Бродя между стеллажами супермаркета, Степан не переставая думал, почему генерал вдруг так озабочился выяснением со стороны Степана причин гибели его бывшего коллеги. Не потому ли, что знал: если в деле, а Степан данный случай уже оценивал как дело, будут какие-то нюансы, хотя бы частично напоминать криминал, то он обязательно попытается размотать весь клубок? Уж таким он был, и все сослуживцы знали об этом и ценили его за это. Знал об этом и генерал.

Вечером, после наскоро приготовленного ужина, глядя в бормочущий телевизор, Степан вновь возвращался мысленно к тем временам, когда они оба служили и не думали, что все может вот так закончиться – глупо и нелепо. Какой-то год назад они вместе находились на Кавказе. Командировка была обычная, служба на блокпосту – скорее формальная. Давно уже не было ожесточенных боев, как раньше. Любой конфликт, связанный с применением оружия, считался ЧП и был крайне редок. Уже давно никто не отлынивал и не увиливал от подобных командировок, считая их даже приятным времяпровождением, тем более что и денежное содержание за этот период было повышенное, да и командировочные, плюс выслуга двойная. О перестрелках уже никто и не вспоминал, а погибнуть можно было только по своей неосторожности, впрочем, как и везде, т. е. уже давно на Кавказе установился мир.

Подполковник Сафронов, отбыв свои три месяца, уезжал в Москву, как говорится, навсегда. Пришел приказ об отставке, а Степану, приехавшему к нему на смену, только предстояло заступить на пост. Проводы были шумные, Сафронов ликовал, ведь не только командировке конец – службе конец. Местное вино лилось рекой, на шашлык в соседнем селении купили двух баранов. Утром все тепло распрощались, а к вечеру по радиации сообщили, что автобус с военнослужащими был обстрелян из автоматического оружия. Террористам удалось уйти, а среди обстрелянных – один «двухсотый» и двое «трехсотых», среди них и подполковник с тяжелым ранением правого бедра и коленного сустава.

Поскольку случай на фоне мирного благополучия, считался чрезвычайным и из ряда вон выходящим, понаехало начальство, стали усиливать контроль за местным населением, ужесточили правила передвижения на дорогах и шмон автомобилей. Вместо ожидаемого положительного результата получили такую жесть, что чуть было снова не скатились к войне. Вот в одной такой операции и подорвали уазик-«буханку», в котором ехала группа подполковника Дорохина. Вначале лазарет, там, в горах, потом госпиталь в Санкт-Петербурге, потом – в родном Белоярске. Два месяца на реабилитации в санатории «Сосны» – и вот теперь отставка, пенсия.

Прошел почти год, за который Миша Сафронов успел получить пулю, вылечиться, уйти в отставку, поступить на работу и снова получить, но уже нож, и умереть. Степан по привычке мысленно уже наметил план своего расследования. Во-первых, завтра он обязательно узнает, кем и у кого работал Сафронов. И начнет он, естественно, с его близких – с сына. Степан с сыном Сафронова знаком не был, видел его, когда он еще под стол пешком ходил, а потом как-то с Сафроновым жизненные пути не сильно и пересекались, только на службе. У Сафронова семья – жена, дети. Дорохов – убежденный холостяк, таких не очень жалуют семейные пары. Он пытался вспомнить, как зовут жену Сафронова – Катя, кажется, или Надя? Так и не вспомнив, решил не напрягаться, завтра узнает. Степан помнил, что у Мишки было двое детей – Ольга и Олег. Старший Олег почти все время жил у бабушки и дедушки в Санкт-Петербурге. Профессорская семья души в нем не чаяла, и хоть баловали, но школу он окончил с медалью и какой-то технический вуз – с красным дипломом. Ольга все время находилась при родителях, из Белоярска никогда никуда не выезжала, училась, по словам самого Михаила, посредственно и, как говорится, звезд с неба не хватала. После средней школы дальше учиться не захотела. Тем не менее, по словам опять же Михаила, жила от родителей отдельно. Непонятно на что,

но жила неплохо. Отца своим вниманием не баловала, была с ним холодна и надменно-пренебрежительна. В ее понимании он был лох и неудачник.

Ладно, завтра, может, что-нибудь прояснится. Степан выключил телевизор и пошел в спальню, но после недельного запоя в ней стояло такое амбре, а замызганная постель нисколько не располагала к объятию с Морфеем, что, захватив с собой плед, валявшийся в кресле, Степан снова перешел в гостиную и завалился на диван. Не спалось, перед глазами вновь возник образ Мишки. Странно, почему-то до того, как ему сообщили о его смерти, он никогда так много о нем не думал, а теперь вдруг он, словно прозрев, стал внимательно и скрупулезно вспоминать даже незначительные детали и контакты, незримо до сих пор их связывающие.

Михаил Сафронов работал в отделе особо тяжких преступлений в сфере экономики, как бы раньше сказали, ОБХСС, но это раньше, когда все было подконтрольно государству и нужно было пристально смотреть, чтобы эта собственность не расхищалась. Но после того как в нашей стране неизвестно почему вдруг возникли рыночные отношения, расхищать собственность стало как-то попроще, а вот бороться с ее расхищением – наоборот. Да и определить теперь, кому же эта собственность принадлежит, стало тоже весьма затруднительно. Тем не менее отдел такой существовал. Офицеры, в нем работавшие, должны были быстренько переориентироваться и снова бороться, но теперь уже с хищением какого-то абстрактного, чужого имущества и непонятно чьей собственности, как известно, ранее принадлежавшей государству. Очень быстро вдруг появившиеся миллионеры, владеющие почему-то стратегически важными предприятиями, буквально указывали, как и куда должны направлять свою деятельность правоохранительные органы, почти что вручную манипулируя большесезонными генералами, управлять которыми раньше была прерогатива лишь государства.

Многие офицеры этого отдела тогда вдруг стали ездить на службу в шикарных автомобилях, пренебрежительно поглядывая на своих коллег из других отделов, паркующих возле управления свои пожухлые, тусклые машинешки отечественного автопрома. Некоторые уже летали в Турцию в отпуск, снисходительно рассказывая коллегам о преимуществах all inclusive¹ или шведского стола, а особенно потерявшие страх открыто строили трехэтажные дома и дачи. На них, оперов, периодически летающих в командировки в горячие точки, поглядывали с ухмылкой и сожалением. На похороны «двухсотых» не ходили. Вот тогда и появился этот термин – «оборотни в погонах».

Сейчас, после тотальной борьбы с этими мразями, многое изменилось. Служба собственной безопасности, появившаяся в 1995 году, очень многое сделала, чтобы буквально выкорчевать из рядов МВД это явление, но, как видно, не совсем, и сейчас нет-нет да и слышно, что тот или иной генерал арестован, а за ним, как правило, целый шлейф его подчиненных. Ну, не может же один генерал сам по себе что-то стирить, ну, просто физически не может. И что характерно, новое поколение генералов уже не стремится к личному обогащению, и не потому что боится – менталитет изменился, приоритеты другие.

В числе друзей подполковника Дорохова были и генералы. Ведь он тоже окончил Академию МВД, которая открывала путь к высшим офицерским званиям, но так даже до полковника и не дослужился. Да и вероятность получения полковничьих погон была очень призрачной. Должность старшего опера этого не подразумевала, а стать когда-нибудь начальником отдела по борьбе с бандитизмом, где он и работал, не представлялось возможным в силу многих субъективных причин.

Степану внезапно вспомнился эпизод: когда силами спецназа «Кедр» они обезвредили крупнейшую банду заезжих таджиков. Там, в подвале, откуда вывели единственного оставшегося в живых таджика, так как остальные были ликвидированы, остались только Дорохов и Сафронов да кучи долларов и евро, пачки пятитысячных рублей РФ. Они стояли и смотрели

¹ Все включено.

на эти бумажки, и единственное, что сделал Степан, обратившись к Сафронову как к старшему группы захвата и указывая на пистолет: «Я возьму это?», – Михаил отвернулся, тем самым разрешая умыкнуть ствол. Он, в силу своей малозначительности, решающей роли как вещдок и не имел. Зато как раритет, а это был пистолет ТТ, вдумайтесь только, 1933 года, был очень даже стоящей штучкой, но в то время на это бы никто и внимания не обратил, «волына» – она и есть «волына», и после суда, где она сыграла бы последнюю свою роль, прямоком на переплавку. Степа это знал, потому и попросил, а Миша отвернулся, типа никакого ствола я и не видел. Этот пистолет – Тульский Токарев – до сих пор хранится, надежно заныканный, на даче Степана. Денег они тогда не взяли ни копейки, хотя позволяло и время, и ситуация. Только через двадцать минут подъехала оперативная бригада местного УВД, а за эти двадцать минут можно было все бабло, ну, не все, а хотя бы половину, стырить, а это миллионы, которые сейчас очень быгодились. На пенсии-то. Но тогда они об этом даже и не думали – чужие деньги. И поэтому Степан был просто убежден: не мог Мишка работать на бандитов. Офицер – это каста, к которой принадлежал и Степан. С этой мыслью он и уснул, дав себе слово разобраться в случившемся.

Глава 5

Степан сразу же обратил внимание на бесцельно шляющегося человека делающего вид чем-то занятого и озабоченного. Опыт – великая сила. Во-первых, он приехал значительно раньше назначенного времени и, усевшись на скамейке, почти у самой гостиницы «Белоярские зори», мог весьма спокойно разглядывать тех, кто его заинтересует. А заинтересовал Степана невзрачного вида молодой человек, явно никогда не имевший связи с бандитскими кругами, но, однако же, всячески подчеркивающий к ним принадлежность, видимо, начитавшийся детективов человек, старался отвечать их требованиям. Проходя мимо столика, за которым уселся сын Сафронова, Степан якобы уронил ключи, и когда Олег бросился их поднимать, прошипел ему в ухо: «Вот вы и убиты, сэр, так просто и внятно, сядь за стол и молчи».

Пройдя еще шагов двадцать, Степан достал зеркало, причесался. Прием, конечно, дешевый, но, однако же, до сих пор действенный, и в зеркало Степан увидел вчерашний «Мерседес», почему-то уже с другими номерами, но вот водитель был прежним, и Степан мог поклясться, что он его видит не в первый раз.

«Интересно», – подумал Степан, и пройдя несколько шагов зашел в «Шаурму». Примерно так почему-то называлась эта забегаловка. Это заведение контролировала кучка азеров, давно уже висевших на крючке у ментов.

– Здравствуй, гость наш дорогой. – Если бы Степан не знал этого прощелью Алика, то мог бы подумать, что его искренне приглашают отведать неделю назад убитую собаку или кошку, но они были знакомы уже давно и относились друг к другу, как это говорится, с пониманием. Один никогда бы не стал есть эту хрень, другой это тоже знал, но Восток – дело тонкое.

– Вон того, Алик, видишь? – Он показал ему на праздношатающегося человека.

– Плохой человек, совсем отмороженный, когда кушает, совсем не платит.

– И часто кушает?

– Часто, они же здесь крышуют.

– Люди Сивого, что ли?

– Нет, Сивый – твой друг, я знаю. Это люди Гургена.

– Гурген же ваш земляк.

– Земляк, конечно, земляк. Все люди – земляки, все пока на земле живем, – сделал философское заключение Алик.

– Ладно, пока, – махнул рукой Степан и вышел.

Часы показывали, что время встречи уже подходит. Степан направился к столику Олега, по пути прикупил газетку, уселся и прямо спросил:

– Олег?

– А это вы, в шпионов играете? – дерзко спросил он.

– Пойдем ко мне в машину, – ответил ему Степан. – Нас здесь слушать будут.

Соблюдать конспирацию было уже бессмысленно, в машине хоть слушать не будут, и, уже не скрываясь, в открытую повел Олега к своему уазу. Краем глаза Степан зафиксировал, как праздношатающийся охламон бегом бросился к «Мерседесу» и, наклонившись к левому стеклу, принялся что-то говорить, яростно жестикулируя и бросая красноречивые взгляды в сторону Степана.

– Что, засуетились? – ухмыльнулся Степан, он, как опытный опер, осознавал, что иногда вместо излишней конспирации гораздо выгоднее играть в открытую, ошеломляя таким образом противника и внося в его планы сумятицу и неразбериху. Тем более когда в роли противников оказывались такие лохи, как сейчас. Степан понимал, что теперь они вынуждены будут связаться с инициатором, чтобы получить дальнейшие указания, а это время.

Запихнув Олега в узик, Степан резко вырулил на ул. Дубенского и дал газа. На следующем светофоре он свернул направо, тут же въехал во двор старого пятиэтажного здания и припарковался за микроавтобусом, что позволяло ему, оставаясь незаметным, легко контролировать проезжую часть улицы. Он видел, как через минуту мимо пятиэтажки пронесся «Мерседес». «Ищи ветра в поле, – усмехнулся Степан, закуривая сигарету. – Лох – он и есть лох».

– Ну что, Олег, кажется, оторвались, – сказал он вслух, поворачиваясь к своему пассажиру. – Ты меня хоть узнаешь?

– Да, я вас узнал. Степан Павлович Доронин, кажется? – улыбнулся Олег Сафронов, тоже доставая сигарету.

Вечером, готовя себе на ужин традиционное блюдо старых холостяков, т. е. пельмени из супермаркета «Командор», Степан в который уже раз пытался сосредоточиться на сегодняшнем разговоре с Олегом. С самого начала ему показалось, что или Олег сам не совсем в курсе произошедшего, или же он что-то умышленно скрывает. Смерть Михаила Сафронова, судя по рассказу его сына, выглядела какой-то нелепой случайностью. Сорокавосемилетний, вполне еще здоровый человек, имеющий специальную боевую подготовку, в прошлом спортсмен, имевший при себе официально разрешенное огнестрельное оружие, был убит на парковке. Основная версия следствия – ограбление. Это было бы возможным, если бы речь шла о каком-нибудь другом человеке, но не о Михаиле. Степан видел его в деле много раз и поверить, что он мог вот так банально подставиться, не мог. Тем более что произошло это даже не ночью, а вечером, на освещенной площадке возле крупного супермаркета «Планета» и ночного клуба «Пьяная вишня», где в любое время года и суток было многолюдно. И что больше всего вызывало недоумение, так это способ убийства – нож в сердце. Никогда Степан не поверит, чтобы опытного сыскаря, боевого офицера, прошедшего горячие точки, не раз бывавшего в шаге от смерти, могли вот так легко и цинично убить какие-то гопники, тем более, что как подтвердила экспертиза, он был абсолютно трезв. Нет, что-то здесь не так.

Неожиданно затарахтел дверной звонок. «Кого это там несет? Время уже 22:00», – покопился на часы Степан. В прихожую ввалился ученый сосед. Сказать, что он был навеселе, значит ничего не сказать, он был пьян в лохмотья. Но это мог определить только Степан, а так он еще выглядел ничего, и только полностью отсутствующий взгляд выдавал его принадлежность к «зомби».

– Господи, – Степан всплеснул руками, – Алексей Иванович, вы снова подшофе? Не бережете вы ни себя, ни отечественную науку. Проходите вот сюда, – и усадил Леху на стул.

– Вы меня, конечно, извините, уважаемый Степан Павлович, – начал куражиться Леха. – Я на одну минутку к вам заглянул, чтобы безотлагательно сообщить вам одну новость, которая, возможно вас заинтересует как профессионала. – Леха, говоря это Степану, продолжал упорно смотреть совсем в другую сторону.

– Алле, гараж! – Степан пощелкал пальцами, пытаясь сфокусировать внимание Лехи. – Я здесь, алле. – Наконец-то это ему удалось. – Что за новость, которая заставила вас в такой неурочный час поспешить ко мне, сэр? – Степан говорил с ним в такой же высокопарной манере, несколько не заботясь, что тот обидеться, настолько хорошо он его знал.

– Да понимаете, Степан Павлович, около пяти часов пополудни подъезжала автомашинка марки «Мерседес», в которой находились два очень неприятных типа. Так вот, они живо интересовались вашей уважаемой персоной, Степан Павлович, а меня это весьма насторожило, и я решил, что непременно должен вам это рассказать. Как вы считаете, Степан Павлович, я правильно поступил?

– Вы очень правильно поступили и, главное, вовремя, – усмехнулся Степан. – Благодарю вас, Алексей Иванович. Я вот тут поужинать собрался, так не составите ли мне компанию, Алексей Иванович? Глядишь, и я с вами соточку-другую коньячка тяпнул бы.

После ужина, отяжелевшего Леху, Степан уложил в своей спальне, а сам, захватив плед и большую подушку, перебазировался в гостиную на диван. Под какую-то приятную лирическую музыку, льющуюся из телевизора, Степан вдруг осознал, что не мог ему Олег сказать всей правды по очень простой причине – боялся он. Но почему, казалось бы, такое простое дело было засекречено, это Степану было непонятно, да и с какого перепугу им вдруг занимались федералы? Степан поглядел на часы – времени было не так уж и много. «Позвоню-ка я Семену», – решил Степан, беря в руки смартфон.

– Добрый вечер, Семен Григорьевич, узнал? – добродушно рявкнул в трубку Степан. – Не помешал? Говорить можешь?

– Привет, Степан Павлович, каким ветром? – неподдельное удивление так и слышалось по ту сторону трубки. – Ты, говорят, в отставку подался? Что так?

– Да надоело все, Семен, – пытался перейти на доверительный тон, заговорил Степан. – Да и, честно говоря, перспективы никакой, так, может, где на гражданке теплое место найду.

– Что, прямо вот так, ничего не подготовив, и ушел? – в голосе Семена проявился неподдельный сарказм и недоверие. – У тебя, наверное, давно теплое местечко подготовлено.

– Да нет, может, ты что подсказешь? Я, собственно, к тебе вот по какому вопросу. – Степан нарочито обыденным, будничным голосом спросил: – Ты, наверное, в курсе, что там с Мишкой Сафроновым произошло? Я в то время как раз в командировке был, только случайно вот узнал, но никто мне, что произошло, толком так объяснить и не может.

– Да никто тебе ничего и не будет объяснять, – помолчав, процедил Семен. – Дело засекречено. Да я толком тоже ничего не знаю, не наша тема.

Еще поболтав немного на отвлеченные темы, Степан распрощался, пообещав как-нибудь заскочить на досуге и обязательно проставиться.

Семен служил в отделе по борьбе с экономическими преступлениями и действительно ничего не знал или не хотел говорить, опасаясь последствий. Еще одной загадкой было и прямое участие в этом, казалось бы, очень простом деле самого генерала Герасимова. Казалось бы, что для него было интересного в обыкновенном грабеже, пусть даже с убийством бывшего оперативника МВД, его-то какое дело? В близких отношениях Иван Александрович Герасимов с Михаилом Сафроновым не был, иначе об этом знали бы все в управлении. Основная версия следствия – убийство, разбойное нападение, часть 2 ст. 105 УК РФ и ст. 162 УК РФ. Преступление, конечно, тяжкое, но не факт, что связано с прошлой службой Сафронова, так что участие в нем федералов вообще необязательно. Нет, что-то здесь не так. А вообще, кто сказал, что это дело на контроле федералов? Генерал? Его секретарша? Нет, надо завтра же утром съездить в прокуратуру и попытаться через своих людей прозондировать ситуацию. Степан принялся мысленно перебирать своих людей в прокуратуре и незаметно уснул.

Глава 6

Тот, кто хоть однажды бывал в прокуратуре, наверняка обратил внимание на серый непрезентабельный интерьер этого контрольно-надзирающего органа, характерный для всех подобных учреждений нашей страны. Областная прокуратура города Белоярска в этом плане не являлась исключением. Длинные коридоры трехэтажного кирпичного здания, стены которого, выкрашенные в ядовито-зеленый цвет, с ободранными дверями кабинетов и тусклыми лампочками на потолке навевали тоску и тревогу, наверное, не только на посетителей, но и на служащих.

По роду своей службы Степан очень часто бывал в этом храме закона и порядка, почти всех работников знал в лицо, многим симпатизировал, с некоторыми дружил. Он сразу прошел на третий этаж, где располагался отдел по надзору за следствием, дознанием и оперативно-разыскной деятельностью. Степан очень хорошо знал начальника отдела, старшего советника юстиции Громова Андрея Аркадьевича. Тот хоть и был на целых пять лет моложе Степана, был уже, однако, полковником, к тому же очень толковым человеком и к Степану относился очень уважительно и внимательно.

– Здравствуйте, Светочка – поздоровался Степан с секретаршей Громова. – Андрей Аркадьевич примет меня?

– Сейчас узнаю, – заулыбалась Светочка, кокетливо вздернув симпатичное личико, и, нажав клавишу селектора, пропела: – Андрей Аркадьевич, вас спрашивает подполковник Доронин Степан Павлович.

– Пусть заходит, – буркнул тот.

– Проходите, Степан Павлович, – проворковала Светочка. – Вас ждут.

– Давно не был, опять командировка? – Протянул руку Громов и указал на кресло.

– Ты меня, Андрей, извини, – замялся Степан, – я вроде как уже и не на службе.

– Не понял? – закуривая сигарету и указывая на пачку Степану, проговорил Громов. – В отпуске, что ли?

– В отставке я, Андрей, в отставке. Впрочем, у меня к тебе дело. Я много времени не займу.

– Говори, я тебя внимательно слушаю. Что стряслось?

– Ты наверняка слышал про убийство Миши Сафронова?

– Ну, разумеется, слышал, – криво усмехнулся Громов. – Более того, я тогда дежурил и выезжал на место в составе бригады.

– Что ты думаешь об этом деле? И почему ФСБ этим делом занимается?

– Кто тебе это сказал? Какое ФСБ? Обычная смерть. Криминальная? Да. Квалифицированная по ст. 105 УК РФ. А вот 162 не доказана. Я вообще склонен думать, что это обыкновенная заказуха. Он же работал в службе безопасности банка «Скала», а там сам знаешь кто командует – Гурген. Уж не знаю, или свои счета свели, или происки конкурентов. Видимо, что-то узнал, что знать ему было не положено. В общем, дело непростое, улики почти никаких, да и опера из полиции мышей не ловят. Глухарь очередной. А ты почему интересуешься?

– Миша другом мне был. Мы вместе и в Училище, и в академии учились.

– Ты в следственном комитете Петю Буркова знаешь?

– Шапочно...

– Он дело ведет, сходи. Если что, на меня сошлись. Он парень толковый и порядочный. А я ему позвоню. – Громов взял ручку и что-то пометил в календаре. Если что, заходи, Степан. – Он протянул руку.

Следователь по особо важным делам следственного комитета по Белоярской области лейтенант юстиции Бурков Петр Анисимович был очень молодым человеком для такой громкой и уважаемой должности. Только в этом году Бурков получил диплом Белоярского государственного университета. Ввиду того что должность важняка была вакантна, а в комитете в основном работали одни женщины, он и был назначен на эту ответственную и сложную работу. Убийство Михаила Сергеевича Сафронова было фактически первым самостоятельным делом Петра Анисимовича, и поэтому он из кожи вон лез, стараясь как можно быстрее раскрыть его, буквально дня и ночуя на службе. Но опера из областного УВД, понимая бесперспективность этого дела, давно уже мысленно считая его глухарем, отлынивали от поручений следователя, за глаза откровенно подшучивали и насмехались над ним. Молодость следователя и отсутствие у него опыта играли им на руку. Так что дело по тяжелейшей статье Уголовного кодекса стопорнулось и двигаться дальше только на одном голом энтузиазме молодого следака никак не хотело. Именно поэтому, а также потому что был звонок из областной прокуратуры, Бурков с надеждой и воодушевлением встретил опытного сыскаря, подполковника Доронина Степана Павловича.

– Это все? – Степан с недоумением смотрел на Буркова, держа в руках папку с уголовным делом. Для того чтобы просмотреть материалы дела, ему понадобилось не более пяти минут, поскольку часть документов носила чисто формальный характер. Кроме самого постановления о возбуждении дела, копий документов, устанавливающих личность убитого, свидетельства о смерти, заключения патологоанатома, характеристик и объяснительных записок, больше практически ничего и не было.

– Это за три месяца следствия? Вы что, не собираетесь расследовать дело об убийстве? Кто из оперативников сопровождают ваше, – Степан потряс в воздухе папкой, – дело?

– Сейчас, – Бурков засуетился. – Я еще человек новый, всех по фамилиям не помню. – Он лихорадочно листал настольный календарь. – А, вот, Мишин и Брюханов из УВД.

– И когда вы их последний раз видели? – Степан начинал злиться.

– Давно. Они говорят, что у них в разработке много дел и им некогда.

– Каких дел? Это ст. 105 УК РФ, особо тяжкое преступление. Какие разработки? Да они просто дурят тебя как лоха.

Целых два часа Степан провел в кабинете Буркова. Их беседа скорее напоминала допрос, причем в роли допрашиваемого находился сам следователь. К обеду в деле уже появился грамотно составленный план следственных действий и несколько поручений для оперативно-разыскных мероприятий. Довольный Петр Анисимович, радостно улыбаясь, пригласил Степана отобедать в кафе напротив с дурацким названием «Эсквайр».

– Какой умник такое название этой кафешке дал? – хохотнул Бурков, углубляясь в меню.

– Ну, кто название дал, не так уж сложно узнать, – заметил Степан. – Наверняка человек он малограмотный, а вот название такое ему, видимо, понравилось. Меня больше удивляет, какой умник в администрации города это название зарегистрировал за этим кафе. Видимо, такой же грамотей, вот в чем печаль.

При расставании Степан посоветовал Петру Анисимовичу не распространяться об их знакомстве, напомнил о его процессуальной независимости и самостоятельности. Он не обязан давать отчет о своих действиях никому, кроме прокурора и суда, а на всяких там генералов МВД посоветовал вообще класть сам знает что. На том и расстались, договорившись обо всех нюансах, возникающих в ходе расследования, сообщать Степану незамедлительно.

По дороге домой Степан заехал в «Командор». Ему нравилось бродить по огромному залу торгового центра, выбирая продукты.

«Скоро лафа закончится, – думал он, автоматически кидая в телегу все, что привлекало его внимание. – На пенсию не разгуляешься, надо все-таки подумать о постпенсионной карьере», – усмехнулся Степан, укладывая две бутылки «Хеннесси» в тележку.

Возле подъезда на лавочке Степана поджидал Алексей Иванович, изрядно помятый и абсолютно несчастный.

– Леша, у тебя когда отпуск-то кончится? Сопьешься ведь к чертям собачьим, кто науку-то двигать будет?

– Через неделю и закончится, – промямлил тот. – Я чего тебя жду-то? Тут опять «Мерседес» крутился, и все те же фигуранты. Тебя пасут.

– Боже праведный! Алексей Иванович, что за лексикон? Срочно бросай пить. «Фигуранты». Ну, ладно, это словечко ты мог от меня услышать, но вот «пасут» – это явно блатной жаргон. Как ты после отпуска в институте своем на ученом совете общаться будешь? – засмеялся Степан, дружески обнимая профессора за плечи. – Пойдем, Леша, треснем по соточке.

– Заметьте – не я это предложил, – хохотнул радостно Алексей Иванович.

За наспех приготовленным ужином, после второй или третьей рюмки, Степан, сам не зная зачем, поведал своему приятелю о своих проблемах. О том, как вот нюхом своим оперским чует, что в деле Сафронова что-то не так, а сделать ничего не может. Нет у него больше полномочий, позволяющих проводить оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия. Никто на его вопросы отвечать не собирается, не имеет он права и улики собирать, и экспертизы устраивать. Если только как-то нелегально, но за это можно и под статью попасть.

– А ты, Степа, частным детективом зарегистрируйся, и у тебя пусть не такие обширные, как раньше, но права будут. А уж как этими правами пользоваться, ты сам сообразишь, как говорится, не мне тебя учить. Опять же под эту марку тебе и на «волюну» разрешение выдадут.

– А что? Это идея. Светлая у тебя все-таки голова, Алексей Иванович.

– А то! Опыт – его же не пропьешь. Обращайтесь, если что, – и с наслаждением опрокинул рюмочку французского коньячка.

Глава 7

Почти два дня ухряпал Степан на регистрацию себя индивидуальным предпринимателем со статусом детектива. Причем, если бы не старые связи Степана, и за две недели зарегистрироваться бы не удалось. Узаконенный род деятельности давал ему возможность заниматься сыском, сбором информации, ведением наблюдения с применением фото- и видеофиксации. Все это, впрочем, позволялось делать только в рамках закона, очень серьезно ограничивавшего его действия, так как с самого начала вид деятельности именовался «частным» и не мог нарушать законные права других граждан. Естественно, как бывший оперативник, Степан имел больше возможностей для получения различного рода информации из источников, недоступных простым гражданам, чем и собирался воспользоваться в своей деятельности. Пока что он всерьез не помышлял о профессиональной сыскной работе, собираясь воспользоваться этим статусом лишь в расследовании убийства Миши Сафронова. При наличии официального договора с потерпевшей стороной он мог бы вполне легально вести расследование, естественно, в рамках закона. Учитывая опыт Степана и его связи в правоохранительных структурах, этого было для него достаточно. Единственное, чего ему сейчас не хватало, так это как раз этого самого договора с потерпевшим на ведение розыскной деятельности. С этой целью Степан и собирался встретиться еще раз с сыном Сафронова Олегом.

Олег ответил моментально, как будто специально сидел у телефона в ожидании звонка. Договорились встретиться в кафе «Сопка», расположенном вдали от центральной части города, почти на окраине, совсем недалеко от дома Олега.

Степан на встречу приехал примерно на двадцать минут раньше условленного времени. Он всегда так делал, чтобы заранее осмотреться, оценить ситуацию, наметить пути отхода, понаблюдать за своим визави. Этому его научила и оперативно-розыскная работа, и частые служебные командировки на Кавказ, в общем, опыт. Такие люди, как Степан, всегда приходят первыми, они никогда не сядут спиной к входной двери и не снимут пиджак, даже если будет очень жарко, заранее проверят наличие запасного выхода и расположение туалетов – опыт, одним словом.

Сидя у окна, Степан видел, как от автобусной остановки шел Олег. Как следом за ним на парковке появился все тот же «Мерседес», из которого вышел вчерашний таинственный незнакомец, неумело играющий роль Штирлица. Проходя мимо окон кафешки, Штирлиц мимоходом мазнул взглядом и чуть не присел, встретившись глазами с иронично улыбающимся Степаном. Он, конечно же, узнал его и теперь соображал, что ему делать: то ли последовать за Олегом и нахально делать вид, что шпионит, понимая, что он раскрыт, то ли повернуться и уехать восвояси докладывать о провале операции. Он или был совсем тупой, или боялся признаться своему шефу в провале, но выбрал первый вариант. Красный и злой, появился в зале и сел за стол почти у самых дверей. Степан обернулся на припаркованный «Мерседес», из него вышел водитель генерала и тоже направился к входным дверям. Степан ухмыльнулся – не хватало только самого генерала, а так уже все в сборе.

– Здравствуйте, Степан Павлович, – вежливо, но без улыбки поздоровался Олег, усаживаясь напротив Степана. – Вам что-то уже стало известно?

– Боюсь, Олег Михайлович, что это вам что-то известно, что вы или забыли, или не захотели мне сообщить, – глядя ему в глаза, медленно процедил Степан. – Видимо, вы мне не доверяете, и я бы хотел знать почему. И мне на ум приходит только одно: вы боитесь? А почему? Тут можно предположить два варианта. Вы знаете, кто замешан в убийстве вашего отца, но вам по каким-то обстоятельствам невыгодно раскрытие этого дела. Второй вариант – вы не знаете ничего конкретного, но у вас есть основания предполагать, кто замешан в этом деле, и вас или запугали, или уговорили мне не доверять. В любом из мною перечисленных случаев вы

не можете быть мне полезным, так как заключить договор со мной как с частным детективом вы, вероятно, не захотите. Это, однако, не означает, что я не смогу заниматься расследованием этого убийства. Есть люди, которые по закону имеют право такой договор со мной заключить и без вас. А я вам гарантирую, что приложу все усилия, чтобы раскрыть это убийство, вот только вы уже будете изначально находиться в неудобном положении. Так что подумайте. – Степан встал и, не прощаясь, быстрым шагом пошел к выходу. На крыльце он чуть лоб в лоб не столкнулся с водителем генерала Герасимова, тот едва успел демонстративно отвернуться.

– Сам-то Иван Александрович не в машине ли сидит? – захохотал Степан и помахал ему рукой. – Непременно привет ему передайте.

– Стойте, стойте, да подождите же вы, наконец, – сзади его догонял Олег.

Степан остановился, сделав недовольную физиономию – ну что там еще у вас?

– Я хочу с вами поговорить. Вы правы, я не все вам рассказал, – тараторил Олег, без спроса залезая на переднее сиденье уазика.

– Слушаю вас, Олег Михайлович, – официальным тоном начал Степан, закуривая сигарету и поворачивая ключ зажигания. – Мы сейчас немного отъедем, чтобы «топтунам» глаза не мозолить.

– Кому? – Олег удивленно глянул на Степана.

– Ты что, не заметил, что за нами следят? – криво усмехнулся Степан. – Вон, «Мерседес» видишь?

– Ну, вижу, – недоумевал Олег. – «Мерин» как «мерин», и что?

– Этот «мерин» и вчера за нами ездил. Что, не узнаешь?

– А кто это?

– Это люди генерала Герасимова. И это все, что я знаю, но факт остается фактом: он за мной осуществляет негласный надзор. – Степан поглядел на ошеломленного Олега. – Следит он за мной, короче.

– А почему?

– Да потому что я стал проявлять интерес к делу твоего отца. А им, как я понял, это не нравится. Ну, давай, рассказывай, только не ври и не скрывай ничего. Говори все как есть, я постараюсь разобраться. – Степан изобразил на своем лице признаки внимания и крайнего интереса.

– Я правда почти ничего не знаю о работе своего отца. – Олег нервно закурил сигарету. – Мы давно уже не были с ним близки, – промямлил он, поймав внимательный взгляд Степана. – Вы ведь, наверное, в курсе, что я воспитывался в семье бабушки и дедушки в Петербурге.

– Наслышан, – кивнул Степан, тоже закуривая.

– Я совсем недавно приехал в вашу область, – продолжал Олег, – но контакт с отцом мне так и не удалось установить. Я знал, что он работает в службе безопасности банка «Скала». Знал, какие люди руководят этим банком. Одним словом, мне не нравилась его работа. Он это знал. И на этой почве у нас и были разногласия. Я и сейчас считаю, что отца убили в результате какого-то конфликта, возникшего в сфере его профессиональной деятельности, – Олег глянул на Степана, – вернее, деятельности этого банка, – поправился он.

– Почему вы так считаете?

– Отец последнее время был какой-то нервный, злой. По всему было видно, что это связано с работой. Дела семейные его уже давно не интересовали. Деньги тоже. Любовницы у него наверняка не было. Был, правда, один приятель, очень пожилой человек, я его видел-то всего один раз, и то мельком. Они с ним на рыбалку в основном вместе ездили. Может, с ним отец и был более откровенным, чем со мной? Не знаю.

– Кто такой? – оживился Степан. – Подробнее можно?

– Кто-то из ваших, или из военных. Звали его Федор Семенович Дроздов, то ли Скворцов, а может, и Куликов, не помню, птичья какая-то фамилия. Он живет или на даче, или в деревне, где-то по южному направлению вроде.

– А где вы его, говорите, мельком видели?

– Я однажды возвращался из Чудногорска на машине и увидел, как на АЗС заправляется отец, ну и подъехал. Отец как раз был с ним. Он меня, правда, ему не представил, но что в машине отца сидел Федор Семенович, это точно, так как он несколько раз обращался к нему и именно так его называл. Лет ему, наверное, далеко за семьдесят. Волосы и небольшая борода седые, лицо красное, обветренное. Из чего я сделал вывод, что, скорее всего, он живет в сельской местности. Лицо волевое, я бы сказал, суровое. Голос хорошо поставленный, командный. Вот и все, что я могу о нем сказать. Если встречу, узнаю наверняка. Я потом посмотрел – поехали они в сторону Чудногорска.

– Вы что заканчивали? – спросил Степан. – Уж очень вы его профессионально обрисовали.

– Я художник. Хотя образование у меня техническое. По настоянию деда пришлось закончить политехнический институт, хотя я думаю, что мне это в жизни совсем не пригодится. Не мое это.

– Как знать, – промычал Степан, задумчиво глядя в окно.

Целых два часа проговорили Степан с Олегом. Как он ожидал, ничего хоть сколь-нибудь проливающего свет на убийство он, конечно же, не узнал. Да и что мог знать Олег, который и раньше-то никогда жизнью своего отца не интересовался, а теперь, после того как переехал в Белоярск, и вовсе жил отдельно от родителей, очень редко посещая их? По крупицам собранной информации Степан, однако, уже знал, что Михаил работал начальником охраны банка «Скала», которым единолично владел местный авторитет Гурген. Вором в законе Гурген не был, но авторитет имел очень значительный, впрочем, как и апломб. Кроме службы безопасности банка, у Гургена была еще одна силовая структура – ЧОП «Шторм». И если банк охраняли почти сплошь ментовские отставники, то в «Шторме», наоборот, преобладали полублатные спортсмены, многие из которых к тому же даже уже зону топтали. Да и руководил ими хоть и бывший мент, но оборотень тот еще. С позором изгнанный из органов опер. Как говорили, за превышение полномочий и по подозрению во взяточничестве, правда, недоказанном. Высокий, жилистый и наглый негодяй с погонялом Дрын. Что в общем-то, соответствовало как внешнему его образу, так и интеллектуальному содержанию. Дрын был крайне опасен и непредсказуем, но вряд ли сфера деятельности службы безопасности банка могла пересекаться с деятельностью «Шторма», который и был создан для выполнения особых заданий самого Гургена.

Возвращаясь вечером домой, Степан анализировал и оценивал прошедший день. В принципе день прошел плодотворно. Юридический статус предпринимателя он получил. Контракт на осуществление розыскных мероприятий в отношении смерти Михаила Сафронова у него лежит в папке. Контракт подписан Олегом Сафроновым, официально признанным по делу потерпевшим. То есть все необходимые правовые основания для осуществления расследования у Степана имелись.

По пути, высадив Олега возле дома его родителей и отъехав немного, Степан сфотографировал и дом, и подъезд, и входившего в него Олега. Он понимал, что, возможно, это излишне формально и никогда ему не пригодится, но что поделать, жизнь приучила его очень серьезно относиться ко всяким мелочам, которые, казалось бы, и не имеют прямого отношения к делу. Напротив дома Сафронова находился сетевой магазин «Батон» и большая автостоянка. Степан не поленился, вышел и зафиксировал на своем фотоаппарате и «Батон», и площадку с нескольких позиций. Вспомнив, что дома нет хлеба, зашел в магазин. Перед входом в «Батон» Степан

отметил наличие нескольких телекамер. В зале их тоже было полно. Выходя из магазина, он разглядел через стекло, как на площадку въехал уже знакомый «Мерседес».

– Совсем оборзели, ни стыда ни совести, – пробормотал Степан и несколько раз сфотографировал его. – Хреново работаете, – постучал он по стеклу, проходя мимо генеральской машины. – Хоть бы тачку сменили, – и помахал им рукой.

Глава 8

Утром Степан поехал по объявлению, которое ему предоставил Алексей Иванович. Поскольку тот находился в отпуске, который проводил в праздном безделье, а сегодня – еще и в состоянии алкогольного абстинентного синдрома, сам вызвался сопровождать Степана и помочь ему, как он выразился, разрешать проблемы, которые обязательно возникнут. Пришлось и его прихватить с собой. Речь шла об аренде помещения под офис. Его-то и нашел ему на просторах интернета скучающий без дела Алексей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.